

Тростина Марина Александровна

АРХЕТИП "РОДНОГО ПОКОЙНИКА" В УСТНЫХ НАРОДНЫХ РАССКАЗАХ РУССКИХ И МОРДВЫ

В статье определяются основные составляющие архетипа "родного покойника" в устных народных рассказах русских и мордвы. Проводится граница между понятиями "родной покойник" и "мертвец", сформировавшимися у мордвы под влиянием развитого культа предков. Выявляются общие для мифологической прозы русских и мордвы мотивы и сюжеты рассказов о "родных покойниках".

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/5-2/7.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 5(71): в 3-х ч. Ч. 2. С. 29-32. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/5-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 398.1

В статье определяются основные составляющие архетипа «родного покойника» в устных народных рассказах русских и мордвы. Проводится граница между понятиями «родной покойник» и «мертвец», сформировавшимися у мордвы под влиянием развитого культа предков. Выявляются общие для мифологической прозы русских и мордвы мотивы и сюжеты рассказов о «родных покойниках».

Ключевые слова и фразы: архетип; мифология; суеверные представления; быличка; фольклор; народная проза; покойник.

Тростина Марина Александровна, к. филол. н., доцент
Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарева, г. Саранск
trostina@mail.ru

АРХЕТИП «РОДНОГО ПОКОЙНИКА» В УСТНЫХ НАРОДНЫХ РАССКАЗАХ РУССКИХ И МОРДВЫ

В последние годы в отечественной гуманитаристике очевиден возросший интерес к этническим культурным архетипам [4, с. 38]. Исследователи традиционно связывают это с наблюдающимся в обществе «процессом этнокультурной рефлексии», изучению которого способствует анализ самых разнообразных «художественных репрезентаций этнических культурных архетипов» [7, с. 255]. Заметим, что культурные архетипы способны проявляться в различных формах, передавая коллективный опыт предшествующих поколений и выступая важнейшим источником информации о специфических особенностях его ментальности.

Как нам уже приходилось указывать, архетип «родного» покойника, нашедший отражение в устных рассказах мордвы и русских, проживающих на территории Республики Мордовия, связан с глубоко почитаемым и устойчивым у мордвы культом умерших предков. В наших предыдущих исследованиях мы отмечали, что этому культу активно поклоняются и в наше время. Так, родственниками во время похоронной процессии по дороге на кладбище выставляются столы с поминальной пищей для чествования близкого (родного, уважаемого) покойного, свои предки «угощаются» во время любых похорон, покойного заботливо «переодевают» в ритуальный день в новую одежду, душу его «провожают» на сороковой день и т.д. [11, с. 19].

Языческие верования, отношение мордвы к умершим членам рода, процессы захоронения и представления о жизни души и загробном мире неоднократно становились предметом научного исследования [3; 9; 23; 24; 28]. В работах мордовских историков, этнографов, культурологов и фольклористов определяется место культа предков в традиционной духовной культуре, степень влияния христианской религии на эволюцию похоронных обрядов мордвы, выявляется типологическое сходство между обычаями, связанными с почитанием культа предков у мордовского и других финно-угорских народов Среднего Поволжья (марийцев, удмуртов), и намечаются дальнейшие перспективы изучения проблемы, к числу которых следует отнести и осмысление этнокультурного архетипа «родного покойника», сохранившего свое семантическое значение в современности.

Преклонение перед «родными» покойниками у мордовского народа традиционно было неразрывно связано с чувством страха по отношению к ним, поскольку любое несоблюдение или нарушение похоронного обряда, последующих поминовений приводило, по народным представлениям, к беде – возвращению души усопшего из загробного мира и причинению зла родному дому, семье, родственникам, ставшим причиной ее беспокойства. Известно, что у мордвы за «оскорбление могилы», сознательное или невольное, неминуемой карой «является болезнь (притка), а за ней иногда и смерть виновника: женщина чаще всего наказывается бесплодием» [23, с. 115]. Как возмездие или наказание со стороны предков воспринимались болезни, войны, природные бедствия. «Считалось, – указывает Ю. Н. Сушкова, – что предки выступают хранителями традиций», они способны «наказать потомков за нарушение сложившихся устоев или защитить от злого умысла» [24, с. 67]. На протяжении многих веков в крестьянских семьях формировалось уважительное отношение к умершим праародителям, передаваемое из поколения в поколение.

Кульτ предков оказался в числе ведущих и для русского населения Мордовии, что объясняется длительным периодом совместного проживания с мордвой на общей территории и в связи с этим непрерывно происходящим процессом взаимодействия и взаимовлияния, ассимиляцией культур двух родственных народов. Сходными являются и представления о возможностях покойных предков влиять на судьбу их родичей. Понятием «родные покойники» в русских селах республики именуют умерших родственников, хорошо известных всем членам рода. Эпитет «родной» информанты применяют не только для обозначения родственных отношений. Подобным образом определяется и значимость этого «персонажа» для рассказчика, очевидца, участника событий. Подчеркнем, что чем бы ни было вызвано появление «родного покойника», встреча с ним чаще всего завершается благополучно для его живого родственника. Так или иначе отошедший в иной мир член рода продолжает заботиться о своих близких, стремится уберечь их от несчастья.

Мертвецы, в отличие от покойников, интерпретируются в качестве духов, нечистой силы, являющейся с того света. Цель ее – испугать, отомстить за собственную раннюю или насильственную смерть всем, кто встречается у них на пути. При этом об одних мертвецах сохранились отдельные сведения (обстоятельства, причина смерти и т.д.), о других же ничего не известно. Чаще всего это древние безымянные мертвецы. Появляются они чаще всего рядом с местом их гибели или захоронения. Традиционно в фольклористике подобные мифологические персонажи принято обозначать «ходячими покойниками» или «живыми мертвецами» [1; 8; 25; 27].

Все пришельцы «с того света» выполняют различные функции, но имеют общую этиологию. В отдельные группы правомерно выделяют «заложных покойников», летающего змея, принимающего облик умершего мужа [1; 5]. Однако вычленение только этих «подвидов» из обширной группы «покойников и мертвецов», на наш взгляд, является недостаточным, поскольку в таком случае представление о мифологической природе и функциях других мифологических персонажей, относящихся к данной категории, будет оставаться обобщенным, неполным и даже ошибочным. Определяя принципы разграничения мифологических персонажей, С. Ю. Неклюдов справедливо указал одну из основных тенденций их наименования – обусловленность персонажа типом его поведения: «Элементы статических структур (персонажи, реалии, внешние признаки, материальные атрибуты и т.д.) проявляются только через действие, организуются действием... персонаж бывает определен обычно типом своего поведения» [10, с. 213]. На материале современных быличек о покойниках и мертвецах, записанных в Республике Мордовия, легко в этом убедиться.

В мордовском языке отдельных лексических единиц для наименования «родных» и «чужих» покойников нет. Мордва-эрзя называет умерших словом «куло», мордва-мокша – словом «ловажа», что означает одно и то же – покойник. Между тем оппозиция «свой»/«чужой» в рассказах этой тематической группы у мордвы прослеживается так же отчетливо, как и у русского населения республики.

Рассказы о покойниках и мертвецах в фольклоре Мордовии представлены двумя жанровыми разновидностями: быличками и рассказами о вещих снах. Независимо от их видовых различий наблюдается сходство в объяснении мотивов появления усопшего, его изображении, характеристике поведения и т.д. Таким образом, со всей очевидностью вырисовывается общий архетип родного покойника, сформировавшийся в суеверных представлениях русских и мордвы.

Появление «родного» покойника в современной быличке трактуется преимущественно как результат беспокойства, причиненного усопшему его родственниками. Но он приходит не столько с целью наказания близких, сколько ради предостережения и назидания, полезного для них. К примеру, у мордвы и русских распространены рассказы о том, что явившийся во сне покойник упрекает родственников за не вполне точное соблюдение ритуала, неисполнение его воли: не в той одежде положили в гроб, плохо угостили людей на поминках, не одарили поминавших и т.д. Нередко в таких рассказах сон выдается за реальность, граница между сном и явью размыта. Человек ее не ощущает, выдавая увиденное во сне, привидевшееся в состоянии крайней усталости за достоверное: «У одной женщины умерла мать. А перед смертью мать наказывала дочери, чтобы та не закрывала двери, иначе увидит, как душа будет уходить», – свидетельствует информатор, указывая на непослушание дочери, забывшей материнское наставление, как на основную причину беспокойства усопшей: «Вдруг ночью чувствует, что ее кто-то за пятки теребит. Та проснулась, видит: перед ней стоит мать и говорит: “Открой двери. Зачем закрыла? Теперь увидишь, как я уходить буду”. Тут дверь открылась, и мать исчезла. А дочь лежала все это время ни жива ни мертва. Все видела, все слышала, а пошевелиться не могла» [13].

Иногда покойный просит у сновидца воды или какой-либо еды, подарка. В таких случаях полагается помянуть его этим блюдом либо подарить кому-то вещь, которую он просит. Покойный может также благодарить за что-либо своих близких. Так, один из информаторов рассказывает о женщине, которая от безденежья не могла помянуть супруга «правильно», но «все равно купила кильки, хлеба. И помянула. А он к ней ночью приходит во сне и говорит: “Спасибо тебе, я так кильки наелся!”» [12].

По народным представлениям, душа, а в мифологических рассказах даже сам умерший остается на «этом» свете до сорокового дня. Он может напоминать о себе членам семьи, близким людям звуками, движениями, другими следами вплоть до того дня, когда окончательно отправляется в «иной» мир. Однако наиболее характерно появление «души» (покойника) на девятый и сороковой день. Это период наиглубочайшей скорби по покойному, которому тяжело навсегда покидать родной дом. Информаторы рассказывают о явлении души покойного на девятый день, нередко даже в момент поминовения: «Девять дней как маму мою схоронили... У мамы родные сидели. И вот мы сидели-сидели, все говорят, в ночь приходят. И вот у нас одна такая, ещё хуже меня: “Тише! Стукают, вы слышите?” Вроде как тук-тук, а другой говорит – нет никого. Или это уж чудится, или душа. По углу кто-то шаркает» [22].

Распространенным в рассказах о покойниках выступает сюжет о встрече с ними в дни, близкие к поминовению. Усопший является близким, чтобы напомнить о себе, уберечь их от нарушения традиции. В народе подобный сон или видение понимаются именно так: помина просит, боится, что забудут. Информатор Р. Ф. Тураева рассказывает, что за два дня до поминовения матери ей приснился сон о том, как во время обеда в пору сенокоса к ней явилась покойная: «...и она такая идет, в белом платке, в белой кофте, достает свою сумку, говорит: “Стой, давайте я вас покормлю”. Достает из сумки всякой всячины: пирогов всяких, всего... И покормила нас, а у нее поминки через 2 дня, вот она всех и накормила заранее» [20].

«Родной» покойник в отличие от мертвеца не утрачивает после смерти своих индивидуальных черт: хлебосольная хозяйка будет «угощать» родных, имеющий при жизни вредные привычки «просит» у родственников водки или сигарет, отличавшийся буйным нравом муж остается таким и после смерти: «До 40 дней душа у дома летает. Так вот мой-то был буйный, и углы при его появлении трещали. Уйду к подружке, бывало, и там находит. Страшно...» [19].

В отдельных рассказах отправляющийся за своей жертвой покойник выглядит радостным и нарядно одетым. В основе таких нарративов лежит мотив свадьбы, перекликающийся в славянском фольклоре с похоронами: покойник забирает живого в другой мир. Так, информатор рассказывает о видении им умершего

деда. При этом покойный был нарядно одет, держал в руках букеты: *«Один раз мне был день рожденья, он вот летит этим коридором...»*

– *А мамыньки, дед, далёко ли ты? – я говорю. – Эт что ты так прилетел?*

А он сказал, опомнился иль чего ли как. Я живая, он мёртвый, говорит:

– *А я и не к тебе. Я вот к этой женицине пойду, мёртвая уже она.*

Ну и всё, ушёл. А она померла» [21].

«Визит» покойного родственника может быть вызван стремлением уберечь членов своей семьи от несчастья, сведениями о котором он, по-видимому, обладает, желанием дать необходимый близким совет, оказать помощь. Показателен в этом отношении рассказ информатора М. Д. Гусевой, едва не угоревшей в своем доме и счастливо спасенной именно неожиданно явившейся покойной свекровью: *«И мне во сне Колина мать явилась (а она тогда уже покойная была) и говорит: “Машиа, открой мне дверь”. А я так сильно угорела, что даже не в силах пошевелиться. А она стучит как будто в дверь, в окна и все просит: “Открой! Открой!” Не помню, как я до двери добралась, дверь толкнула, и свежий воздух меня в себя привел. Мне так плохо было тогда! Угарным газом надышалась. Не знаю даже, что и было бы, если бы мне тогда свекровь не явилась»* [14].

Не дает покоя душе умершего чрезмерная скорбь близких, вызванная его утратой. Он словно чувствует то же самое, но в двойном размере, переживая за скорбящего и испытывая собственные мучения в связи с беспокойством дорогих ему людей. Один из информаторов рассказывает о явлении умершего сына перед поминовением его на сороковой день: *«Лежала на койке, вот так вот у меня койка, вот тут стенка и его фотография. Я лежала, смотрела на него и плакала. И вот стена будто разошлась, а он выходит и говорит: “Мамк, и долго это будет продолжаться?”»* [16].

При этом моральные страдания усопшего нередко выдаются как страдания физические, как вызванное «живыми» родственниками неудобство: *«Настей звали женицину. Она остались сиротами, тоже вот плакали и плакали. Плачем и плачем... Она-то осталась постарше, а еще двое помладше. Петьюкой звать, мне ровесник. А ещё сестренка. “Плачу и плачу”, – говорит. – “Она мне и приснилась. Стоит вся в мокрой одежде и говорит: “Настя, ты меня потопила в слезах, потопила в слезах ...”. Также плакать перестала»* [Там же].

Из иного мира «родной» покойник может появиться с подарками, как и подобает человеку, возвращающемуся после долгого отсутствия в родной дом. Но такие дары не предвещают ничего хорошего: наутро на месте их оставления родственники могут обнаружить «мусор», «тряпье», «навоз», «землю». Вместе с тем помощь и подарки покойного рекомендуется вообще не принимать, поскольку они приходят из мира мертвых: *«Будет стучаться, проситься к тебе, а ты ответь: “Мертвые к живым не ходят”. Будет еще проситься, ты еще так отвечай»* [15].

«Приходить» из «иного» мира могут все члены семьи: прадеды, деды, приходят в родной дом мать, отец, сестры и братья, но чаще всего навещает тоскующую женщину муж. Он вступает с ней в интимную связь, разговаривает, жалеет, носит подарки. Женщина тайно ждет появления мужчины, но близкие догадываются о происходящем по ее внешнему виду (она становится бледной, молчаливой, худеет) или по поведению (замыкается в себе, сторонится окружающих). Один из информаторов повествует об изменении поведения вдовы, долго оплакивавшей мужа, а затем неожиданно «повеселевшей»: *«Ругали ее уж больно, а она не переставала все равно, а потом вдруг повеселела. Но перестала разговаривать со всеми. Замкнулась. Так что вроде весела и работат, а вот и с людьми стала мало общаться. Что же такое?»* [Там же].

Подчеркнем, что в быличках, повествующих об интимной связи умершего мужа с тоскующей женой, образ «родного покойника» существенно трансформируется. Пришелец воспринимается очевидцами (кроме очарованной женщины) уже не как близкий человек, явившийся с целью помочь несчастной вдове, а как нечистый дух, принявший облик ее мужа. Подобные отношения неизменно приводят к трагедии. Одна из традиционных схем такова: женщина ощущает признаки беременности, а это значит, что она может родить вредоносное существо или ребенка, от которого сама будет страдать или умрет при родах. Заметив беременность, окружающие принимают решительные меры. Помощь может прийти со стороны священника или бабки-ворожеи. Процесс разрушения связи с нечистым духом сложный и мучительный. Главное в нем – не испугаться, довести начатое до конца. Так, информатор из с. Монаково Большеигнатовского района РМ рассказывает о необычайной физической силе одержимой нечистым духом женщины, «рвавшейся» и бесновавшейся, когда ее несколько дней «отчитывал» священник: *«И, говорит, потом как стало ее выворачивать, рвать какими-то клубками, как змеи. Ну и вот сколько-то дней он ее отчитывал. А последний раз говорит, как говорит, ударил. Тогда вот уж все из нее вышло. В передний угол как ударил шар огненный, и покатила по земле потом с хвостом, и исчез. А живот пропал»* [Там же].

Исход встречи с пришедшим из «иного мира» «родным покойником» в любом случае зависит от поведения очевидца, который должен соблюдать нормы поведения в подобной ситуации (даже если это сон): отказаться в ответ на приглашение последовать за покойным, не брать его подарков, прогнать, отвернуться от него, а после встречи (пробуждения) выполнить просьбу покойного, появление которого вызвано нарушением какой-либо нормы или стремлением уберечь близких от несчастья. Сон о «родном» покойнике воспринимается как побуждающий следить за здоровьем и благополучием того человека, к которому приходил вестник из мира мертвых.

Таким образом, архетип «родного покойника», сложившийся в представлениях мордвы и русских, проживающих на территории Республики Мордовия, тесно связан с высоко развитым культом предков, что определяет его основные функции: охранительную, воспитательную, предостерегающую и прогностическую. Все эти функции взаимосвязаны и выражаются в системе действий «родного покойника», являющегося

проводником между миром живых и мертвых, носителем традиционных представлений о роде и семье как важнейших основ жизнестроительства у русских и мордвы.

Список источников

1. **Былички и бывальщины Воронежского края** / сост. Т. Ф. Пухова. Воронеж: ВГУ, 2008. 384 с.
2. **Власова М. Н.** Былички (базовые мотивы в их эволюции): автореф. дисс. ... к. филол. н. СПб., 1992. 21 с.
3. **Волкова М. С.** Культ предков в религиозных верованиях мордвы: автореф. дисс. ... к.и.н. Саранск, 2001. 16 с.
4. **Забияко А. П.** Категория святости: сравнительное исследование лингворелигиозных традиций. М.: Московский учебник-2000, 1998. 207 с.
5. **Зеленин Д. К.** Избранные труды. Очерки русской мифологии: умершие неестественно смертью и русалки / вступ. ст. Н. И. Толстого; подготовка текста, коммент., указат. Е. Е. Левкиевской. М.: Издательство «Индрик», 1995. 432 с.
6. **Козлова Н. К.** Восточнославянские мифологические рассказы о змеях. Систематика. Исследование. Тексты: монография / науч. ред. В. М. Гацак. Омск: Издательский дом «Наука», 2006. 460 с.
7. **Колчева Э. М.** Понятие «культурный архетип» как инструментальный анализа национального искусства // Знание. Понимание. Умение. 2015. № 1. С. 254-263.
8. **Левкиевская Е. Е.** Мифы русского народа. М.: АСТ, 2005. 529 с.
9. **Мокшин Н. Ф.** Религиозные верования мордвы. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1968. 160 с.
10. **Неклюдов С. Ю.** Особенности изобразительной системы в долитературном повествовательном искусстве // Ранние формы искусства / сост. С. Ю. Неклюдов. М., 1972. С. 191-220.
11. **Николаева Е. А., Тростина М. А.** Культурный код национальной памяти: трансляция традиций (на материале рассказов о «родных покойниках») // Финно-угорский мир. 2015. № 2. С. 19-20.
12. **Полевой материал автора.** Информант Безаева Н. И., 1948 г. р. Республика Мордовия, Ардатовский район, с. Редкодубье. Записан в июле 2007 г.
13. **Полевой материал автора.** Информант Борисова О. А., 1953 г. р. Республика Мордовия, Старошайговский район, д. Гавриловка. Записан в июле 2005 г.
14. **Полевой материал автора.** Информант Гусева М. Д., 1952 г. р. Республика Мордовия, Ардатовский район, с. Урусово. Записан в июле 2008 г.
15. **Полевой материал автора.** Информант Кротова Н. В., 1940 г. р. Республика Мордовия, Большеигнатовский район, д. Монаково. Записан в июле 2008 г.
16. **Полевой материал автора.** Информант Кубасова Е. И., 1938 г. р. Республика Мордовия, Ардатовский район, с. Редкодубье. Записан в июле 2007 г.
17. **Полевой материал автора.** Информант Минеева Е. В., 1929 г. р. Республика Мордовия, Ардатовский район, с. Редкодубье. Записан в июле 2007 г.
18. **Полевой материал автора.** Информант Облакова А. А., 1941 г. р. Республика Мордовия, Ардатовский район, с. Редкодубье. Записан в июле 2007 г.
19. **Полевой материал автора.** Информант Сергунова А. В., 1952 г. р. Республика Мордовия, Ардатовский район, п. Лесозавод. Записан в июле 2008 г.
20. **Полевой материал автора.** Информант Тураева Р. Ф., 1935 г. р. Республика Мордовия, Атяшевский район, с. Козловка. Записан в июле 2008 г.
21. **Полевой материал автора.** Информант Ушанова П. А., 1927 г. р. Республика Мордовия, Чамзинский район, с. Пичеуры. Записан в 2005 г.
22. **Полевой материал автора.** Информант Шинелева К. Г., 1930 г. р. Республика Мордовия, Ардатовский район, с. Редкодубье. Записан в июле 2007 г.
23. **Смирнов И. Н.** Мордва: историко-этнографический очерк. Саранск: Красный Октябрь, 2002. 297 с.
24. **Сушкова Ю. Н.** Обычно-правовые аспекты дохристианских верований мордвы // Финно-угорский мир. 2011. № 1. С. 65-69.
25. **Толстая С. М.** Полесские поверья о ходячих покойниках // Восточнославянский этнолингвистический сборник. Исследования и материалы / отв. ред. А. А. Плотникова; РАН, Ин-т славяноведения. М., 2001. С. 151-205.
26. **Черванева В. А.** О некоторых особенностях обозначений мифологического персонажа в быличке // Народная культура сегодня и проблемы ее изучения: сб. статей. Воронеж, 2012. С. 270-277.
27. **Шахматская П. А.** Суеверная проза о «ходячих» покойниках (на материалах современных записей из Койгородского района Республики Коми) [Электронный ресурс]. URL: <http://kizhi.karelia.ru/library/ryabininskie-chteniya-2015/1594.html> (дата обращения: 19.11.2016).
28. **Harva U.** Die Religiösen Vorstellungen der Mordwinen. Helsinki, 1952. 456 S.

**THE ARCHETYPE OF THE “DECEASED RELATIVE”
IN ORAL FOLK TALES OF THE RUSSIANS AND MORDOVIANS**

Trostina Marina Aleksandrovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Ogarev Mordovia State University, Saransk
trostina@mail.ru

The article determines the main components of the archetype “deceased relative” in oral folk tales of the Russians and Mordovians. The notions of “deceased relative” and “dead”, formed among the Mordovians under the influence of the developed cult of ancestors, are differentiated. The themes and motifs of the stories about “deceased relative”, general for mythological prose of the Russians and Mordovians, are identified.

Key words and phrases: archetype; mythology; superstition; bylichka (tall tales); folklore; folk prose; dead.